

МАСТЕРСКАЯ ЗАБЫТЫХ ВЕЩЕЙ

ТАЙНА ОРЕХОВОГО БЮРО

Андрей Конт

**Мастерская забытых вещей.
Тайна орехового бюро**

«Автор»

2026

Конт А.

Мастерская забытых вещей. Тайна орехового бюро / А. Конт —
«Автор», 2026

Вера Лаврова возвращается в родной волжский город Реченск, чтобы ненадолго привести в порядок дедову столярную мастерскую. Но первый же серьёзный заказ меняет её планы: в старом ореховом бюро из дома известной семьи Шереметевых она обнаруживает поздний тайник. Внутри — ключ, фотография девушки у зелёной двери мастерской и записка: «Не верь тем, кто скажет, что Лиза взяла это сама». Лиза Бережная исчезла почти тридцать лет назад. Тогда её обвинили в краже дорогой миниатюры из семейного собрания, а город быстро поверил в удобную версию. Теперь Вере предстоит восстановить не только старую мебель, но и цепочку чужих решений, подменённых документов и слишком долгого молчания. «Мастерская забытых вещей. Тайна орехового бюро» — реалистичный уютный детектив о вещах, которые помнят больше людей, о правде, требующей доказательств, и о том, что прошлое можно исправить не молчанием, а честностью.

© Конт А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Мастерская с зелёной дверью	6
Глава 2. Чужое дно	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Андрей Конт
Мастерская забытых вещей.
Тайна орехового бюро

Глава

Глава 1. Мастерская с зелёной дверью

В Реченске всё происходило немного медленнее, чем Вера помнила.

Утренний автобус задержался на семь минут, хотя дорога от вокзала до центра занимала от силы десять. Женщина в сером плаще, сидевшая впереди, успела дважды позвонить дочери, обсудить с ней цены на картошку и сообщить водителю, что на перекрёстке у рынка опять неправильно настроен светофор.

Вера смотрела в окно и старалась не улыбаться.

За стеклом проплывали знакомые дома: низкие, с резными наличниками, с кривыми водосточными трубами и палисадниками, в которых уже отцвела сирень, но ещё держались белые флоксы. На центральной площади торговали мёдом. У кинотеатра «Волна» висела свежая афиша гастрольного спектакля. Рядом с аптекой на лавочке сидели трое мужчин в кепках и, кажется, спорили о том, кто из них первым заметил, что лето в этом году кончилось раньше положенного.

Вера вышла у бывшего Дома быта и поставила чемодан на тротуар.

Здание было двухэтажным, кирпичным, с широкими окнами и неуместно новыми пластиковыми дверями. Когда-то здесь чинили обувь, подшивали пальто, точили ножи и делали ключи. Теперь на первом этаже размещались пункт выдачи заказов, магазин дешёвой посуды и салон с вывеской «Идеальные брови». На втором оставались несколько мастерских — тех, которые почему-то пережили всё: ремонты, арендаторов, смену хозяев и саму привычку людей покупать новое вместо того, чтобы беречь старое.

В дальнем конце коридора была дверь, выкрашенная тёмно-зелёной краской.

Краска облупилась у ручки, на нижней панели осталась белая царапина, похожая на молнию. Над дверью висела маленькая табличка:

СТОЛЯРНАЯ МАСТЕРСКАЯ П. ЛАВРОВ

Вера провела пальцем по букве «П».

— Ну, здравствуй, дед, — тихо сказала она.

Ключ повернулся не сразу.

За дверью пахло сухим деревом, пылью и старым клеем. Запах был такой знакомый, что Вера на мгновение зажмурилась.

Внутри всё оказалось меньше, чем в её памяти. Или, может быть, раньше она была меньше сама.

У окна стоял длинный верстак со следами от стамесок и ножей. На стене висели рубанки, несколько струбцин, ручная дрель и фотография в тёмной рамке. На ней дед Пётр сидел на табурете, положив ладони на колени, и смотрел в объектив с тем выражением, с каким обычно слушал человека, который сказал что-то не особенно умное, но искреннее.

На подоконнике стояла пустая банка из-под грушевого варенья. В ней торчали карандаши.

— Так и знала, — сказала Вера. — Ничего здесь без тебя не сдвинулось.

Она открыла окно. Во двор ворвался шум: кто-то стучал молотком, из салона красоты доносилась музыка с тяжёлым басом, а за стеной скрипела тележка пункта выдачи.

Вера сняла пиджак, засучила рукава и принялась за работу.

К вечеру она вымыла пол, вытерла пыль с инструментов, выбросила три коробки с потрескавшимися наждачными кругами и нашла в верхнем ящике верстака записную книжку деда. На первой странице его крупным неровным почерком было написано:

«Не торопись. Вещь всегда подскажет, что с ней делали».

Вера перечитала фразу дважды, затем положила книжку в карман фартука.

Она не собиралась оставаться в Реченске навсегда.

По крайней мере, так она говорила себе последние полгода — с того дня, как московская реставрационная мастерская, в которой она работала двенадцать лет, объявила о закрытии. Формально всё выглядело прилично: помещение выкупили, проект свернули, сотрудникам выдали компенсации. На деле это означало, что сорокалетний владелец здания решил открыть вместо мастерских гастрономический кластер, а людям, умеющим собирать расколотую мебель, восстанавливать утраченный шпон и отличать старый лак от нового, предложили «рассмотреть другие карьерные возможности».

Другие возможности Вера рассматривать не хотела.

Она приехала в Реченск, чтобы привести в порядок дедову мастерскую, распродать инструменты, решить вопрос с помещением и понять, что делать дальше. На всё — два месяца. Возможно, три.

Это был разумный план.

Разумные планы нравились Вере тем, что в них не приходилось признавать очевидное: она устала от Москвы, от чужих срочных заказов, от выставок, где старинное кресло ценили не за работу мастера, а за цену в каталоге. Устала от людей, которые говорили: «Только сделайте, пожалуйста, чтобы выглядело как новое», — и обижались, когда она объясняла, что старое дерево не должно притворяться новым.

В восемь вечера она закрыла окно, села на дедов табурет и выпила чай из термоса.

На двери уже висела новая бумажная табличка, которую она написала маркером:

РЕСТАВРАЦИЯ МЕБЕЛИ ВЕРА ЛАВРОВА ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЗАПИСИ

Она долго смотрела на неё.

Потом достала телефон и сфотографировала дверь.

Через пять минут в мастерскую постучали.

Вера вздрогнула так, что едва не опрокинула чашку.

На пороге стояла женщина лет семидесяти, в синем плаще и с аккуратной седой стрижкой. В руках у неё был контейнер, накрытый кухонным полотенцем.

— Вы Петра внука? — спросила она.

— Да.

— Я так и подумала. Выражение лица то же самое. Будто вам сейчас скажут что-нибудь, с чем вы заранее не согласны.

Вера улыбнулась.

— А вы?

— Таисия Марковна. Чайная «Липовый цвет», через двор. Мы с вашим дедом дружили. В смысле, он приходил ко мне за пирогами, а я к нему — когда ломалась мебель. Это, знаете ли, довольно крепкая форма дружбы.

Она протянула контейнер.

— Пирог с капустой. Не спорьте. В Реченске человека нельзя оставлять в первый день без пирога, это плохая примета.

— Я не очень верю в приметы.

— Прекрасно. Значит, съедите из вежливости.

Таисия Марковна шагнула внутрь и огляделась.

— Тут всё почти как было.

— Я сегодня только начала.

— Это хорошо. Не вздумайте выкинуть шкафчик у окна.

— Почему?

— Потому что в нём дед держал свои лучшие свёрла.

Вера посмотрела на шкафчик.

— В нём сейчас пусто.

— Он бы не оставил лучшие свёрла в пустом шкафчике. Вы просто плохо искали.
Таисия Марковна кивнула так, будто вопрос был решён, и подошла к верстаку.

— Открываться будете?

— Наверное.

— «Наверное» — не ответ. В маленьком городе новости живут на хлебе, в чайной и в очереди к стоматологу. К завтрашнему обеду все будут знать, что вы реставрируете мебель. К вечеру решат, что вы можете восстановить всё: от кухонного стула до брака двадцатилетней давности.

— И много тут мебели?

— Мебели? — Таисия Марковна усмехнулась. — Много. А вот людей, которые умеют не замазать трещину мебельным воском и не назвать это реставрацией, почти не осталось.

Она поставила контейнер на верстак.

— Завтра заходите ко мне. Часам к одиннадцати. Познакомлю с теми, кому вы понадобятся.

— Я ещё не решила, останусь ли.

Таисия Марковна посмотрела на неё внимательно, но без жалости.

— Никто не просит решать сегодня, Верочка. Сегодня хотя бы окно закройте. Ночью тут сквозит.

Она ушла, оставив после себя запах яблок, корицы и странное ощущение, будто мастерская уже перестала быть пустой.

На следующий день Вера нашла лучшие дедовы свёрла.

Они лежали в двойном дне шкафчика у окна, тщательно завернутые в промасленную ткань. Рядом была записка:

«Для работы, а не для продажи».

Вера рассмеялась вслух.

— Ладно, — сказала она деду. — Поняла.

К полудню у мастерской уже побывали трое.

Первая женщина принесла табурет с расшатавшимися ножками и потребовала, чтобы Вера «ничего не меняла, потому что на нём ещё дедушка сидел». Второй пришёл мужчина с дачного участка, принёс дверцу от шкафа и долго объяснял, что жена считает её мусором, но она «ещё крепче нынешней мебели». Третьей оказалась молодая девушка с плетёным креслом, которое погрызла собака.

Вера записывала заказы, осматривала вещи и впервые за долгое время чувствовала не раздражение от чужой срочности, а спокойный интерес.

У каждой вещи была своя беда.

У табурета — старый клей, потерявший прочность. У шкафной дверцы — пересохшая древесина. У кресла — не собака, как выяснилось, а многолетняя привычка хозяев ставить его под батарею.

— Всё можно исправить? — спросила девушка.

Вера провела рукой по повреждённому подлокотнику.

— Почти всё. Но лучше не делать вид, что ничего не случилось.

Девушка помолчала.

— Это вы сейчас про кресло?

— Сейчас — да.

Девушка забрала квитанцию и ушла, явно решив, что у реставратора есть не только инструменты, но и склонность к лишней философии.

В два часа дня в коридоре послышался грохот.

Вера выглянула и увидела двух мужчин с мебельным ремнём. Между ними, на широкой тележке, медленно двигалось бюро.

Оно было огромное — тяжёлое, тёмное, с высокой надстройкой и десятками маленьких ящичков. Ореховое дерево под слоем потускневшего лака отливало тёплым красноватым цветом. Латунные ручки почернели. Одна ножка была обмотана тканью, а на крышке лежало старое шерстяное покрывало.

За грузчиками шла высокая женщина в светлом пальто. Её волосы были собраны в гладкий узел, на шее блестела тонкая золотая цепочка.

— Вера Лаврова? — спросила она.

— Да.

— Лада Арсеньева. Простите, что без предварительной записи. Но Таисия Марковна сказала, что вы уже открылись.

Вера мысленно отметила, что Таисия Марковна работала быстрее любого рекламного агентства.

— Открылась, — ответила она. — Но это не значит, что я обещаю взять любой заказ.

Лада Арсеньева улыбнулась — без обиды, будто именно такой ответ и ожидала.

— Тогда посмотрите. И, если сочтёте, что я ошиблась дверью, я найду другую мастерскую.

Грузчики остановили тележку у входа.

Вера обошла бюро кругом.

Оно было старым — действительно старым, а не искусственно состаренным предметом из салона. Внутренние поверхности ящичков потемнели от времени. На одном из углов сохранился след от свечного ожога. Под верхней крышкой виднелся тонкий резной орнамент: листья, мелкие цветы и две почти стёршиеся птицы, смотревшие друг на друга.

— Откуда оно? — спросила Вера.

— Из дома Шереметевых на Никольской. Точнее, из того, что от него осталось. Дом сейчас принадлежит фонду семьи. Мы готовим благотворительный аукцион в пользу художественной школы.

— «Мы» — это кто?

— Я попечитель школы. А Аркадий Шереметев — владелец коллекции.

Фамилия была знакомой. В Реченске она встречалась на табличках, в газетных заметках и на плакатах городских мероприятий. Фонд Шереметевых помогал больнице, библиотеке, спортивной школе. Два года назад на его деньги отремонтировали фасад театра.

Вера снова посмотрела на бюро.

— Что с ним нужно сделать?

— Привести в порядок. Не сделать новым. — Лада произнесла последние слова с едва заметной улыбкой. — Таисия Марковна предупредила, что это для вас важно.

Вера кивнула.

— Сначала осмотр. Потом скажу, что возможно и сколько займёт времени.

— До аукциона три недели.

— Для такого предмета это мало.

— Я знаю. Но если вы скажете, что нельзя, я не стану давить.

Это тоже было неожиданно.

Вера сняла покрывало.

На крышке бюро лежал слой серой пыли. На правом боку тянулась длинная царапина, будто предмет когда-то тащили по каменному полу. Один из маленьких ящичков в надстройке заедал. Вера осторожно выдвинула его и увидела внутри сухой лист лаврового дерева.

— Это вы положили? — спросила она.

Лада нахмурилась.

— Нет.

Вера взяла лист пинцетом. Он был хрупким, почти рассыпался от прикосновения.

— Возможно, остался от прежних хозяев. В старой мебели чего только не находят.

— Деньги?

— Чаще мышиные гнёзда.

— Вы умеете успокаивать клиентов.

— Я умею говорить правду.

Лада внимательно посмотрела на неё.

— Это полезное качество. Иногда редкое.

Вера ничего не ответила.

Грузчики с трудом вкатили бюро внутрь. Оно едва прошло в дверь, задев косяк и заставив Сашу — худого парня в клетчатой рубашке, который утром зашёл спросить, не нужен ли помощник, — испуганно прижаться к стене.

— Извините, — сказал он. — Я не знал, что тут будет такой... корабль.

— Это бюро, — поправила Вера.

— Я вижу. Но выглядит так, будто в нём можно хранить государственную тайну.

Лада Арсеньева бросила на него быстрый взгляд.

— Молодой человек прав. Вещь с характером.

— У вещей нет характера, — сказала Вера. — Есть конструкция, история использования и степень повреждений.

— Это вы так думаете, — заметил Саша.

Когда грузчики ушли, а Лада подписала квитанцию, Вера ещё раз обошла бюро.

На внутренней стороне нижнего ящика карандашом было выведено: **III. 1894.**

Не имя. Не дата изготовления. Возможно, пометка мастера. Возможно, владельца.

Она записала её в блокнот.

— Я позвоню после осмотра, — сказала Вера.

— Буду ждать.

Лада уже дошла до двери, когда остановилась.

— Вера Сергеевна, пожалуйста, если найдёте внутри что-то личное... сначала позвоните мне. Не в фонд, не Аркадию. Мне.

— Почему?

— Потому что старые дома часто хранят вещи, которые семьи предпочитают не обсуждать.

— А вы?

Лада опустила взгляд на бюро.

— А я предпочитаю сначала знать, о чём именно идёт речь.

После её ухода мастерская стала тесной.

Бюро занимало почти всё свободное пространство у дальней стены. Оно молчало, тяжёлое и невозмутимое, будто не особенно интересовалось тем, что его привезли в чужое помещение и собирались разбирать.

Вера закрыла дверь на ключ, выключила музыку в телефоне и достала фонарик.

— Ну что, — сказала она тихо. — Посмотрим, что ты от меня хочешь.

Сначала она измерила влажность древесины. Потом проверила соединения, осмотрела ножки, сняла один из боковых ящиков и нашла следы старой реставрации: неумелая шпатлёвка, чужой винт, густой слой лака поверх трещины.

К семи вечера Вера успела сделать десяток фотографий, составить предварительную карту повреждений и убедиться, что бюро пережило по меньшей мере две переделки.

Первая была старой и добросовестной. Вторую делали намного позже, грубо и торопливо.

Она присела на корточки перед нижней частью корпуса.

Задняя стенка чуть отличалась по цвету. Не сильно — человек, не работающий с деревом, мог бы не заметить. Но орех стареет иначе. Его нельзя обмануть свежим морилкой, если

знаешь, где смотреть. Новый фрагмент был вырезан из другой доски и поставлен слишком ровно. Тот, кто делал это, умел обращаться с инструментами, но не знал, как состарить работу.

Вера коснулась ногтем тонкой щели.

Внутри что-то было.

Она замерла.

Потом осторожно постучала костяшками пальцев по задней стенке. Звук получился глухим, как будто за деревом оставалась пустота.

Из коридора донёсся голос Таисии Марковны:

— Вера! Вы ещё тут?

— Да!

— Я закрываюсь. Оставляю вам чай у двери. И не сидите до ночи, если не хотите стать похожей на вашего деда.

— А он был похож на человека, который сидит до ночи?

— Он был похож на человека, который считал, что шкаф может подождать, а чай — нет.

Учитесь.

Вера услышала, как хлопнула дверь в коридоре.

В мастерской снова стало тихо.

Она встала, потянулась за стамеской, но тут изнутри бюро раздался короткий, отчётливый стук.

Будто в пустом ящике кто-то положил на дерево маленький металлический предмет.

Вера медленно выпрямилась.

Все ящики были закрыты.

Она подошла ближе и прислушалась.

Бюро молчало.

Глава 2. Чужое дно

Вера не любила необъяснимые звуки.

Не потому, что боялась их. Бояться в мастерской было особенно глупо: старое дерево постоянно отзывалось на тепло, сухость, сквозняк и собственный возраст. Щёлкали разошедшиеся соединения, скрипели направляющие, оседала пыль в трещинах лака. Иногда мебель звучала так, будто в ней действительно кто-то ходит.

Но у каждого звука должна была быть причина.

Вера взяла фонарик и наклонилась к бюро.

Нижние ящики были закрыты. Крышка тоже. На полу ничего не лежало. Она ещё раз постучала по задней стенке — осторожно, двумя пальцами.

Глухо.

Потом — по соседнему участку дерева.

Звонче.

Вера медленно провела ладонью по нижней части корпуса. Под пальцами различалась тонкая вертикальная линия: почти незаметная, забитая пылью и старым лаком. Она шла от пола вверх сантиметров на двадцать, затем исчезала под декоративной планкой.

Не трещина.

Шов.

— Вот ты где, — сказала Вера.

Она достала из ящика маленькое стоматологическое зеркало на длинной ручке — подарок коллеги из Москвы, который однажды заявил, что хороший реставратор должен уметь заглядывать туда, куда нормальному человеку и смотреть не придёт в голову. Вера подсветила фонариком снизу, повела зеркалом за ножкой бюро и увидела маленькую щель.

За ней была темнота.

Она выпрямилась и посмотрела на часы.

Без двадцати девять.

Работу с незнакомой конструкцией в такое время не начинали. Особенно если заказ принадлежал людям, которые просили о личных находках звонить им раньше, чем владельцу коллекции.

Вера выключила фонарик.

— До утра, — сказала она бюро.

Дома ей не спалось.

Квартира деда находилась через две остановки от мастерской, в доме с потемневшими балконами и клумбой, которой безраздельно управляла соседка с первого этажа. Вера жила здесь до поступления в институт, потом приезжала на праздники, а последние пять лет — только на похороны, юбилеи и короткие визиты, после которых всё казалось ненастоящим.

На кухне сохранились дедовы чашки, коричневая сахарница и занавески с васильками. Вера включила чайник, но, пока вода нагревалась, поймала себя на том, что смотрит не на него, а на телефон.

Звонить Ладе Арсеньевой сейчас было поздно.

Звонить Таисии Марковне — бессмысленно. Та бы сказала, что нужно лечь спать, а утром выпить крепкого чая. И, скорее всего, оказалась бы права.

Вера открыла записную книжку деда. На первой странице была та же фраза: *«Не торопись. Вещь всегда подскажет, что с ней делали»*.

Дальше шли номера заказов, размеры досок, фамилии клиентов и короткие замечания, понятные только самому Петру Лаврову.

«Стул К. Не менять левую ножку. Кривизна от рождения». «Буфет Т. Сначала спросить у дочери. Мать помнит иначе». «Шкаф Р. Ничего не прятал. Просто плохо собран».

Вера улыбнулась, но закрыла книжку быстро.

В половине первого ночи она поставила будильник на семь.

Утром Реченск встретил её мелким дождём.

В мастерской было прохладно. Вера открыла окно, включила свет над верстаком и долго готовила рабочее место, хотя всё уже было готово с вечера.

Она надела тонкие перчатки, достала фотоаппарат, линейку, лупу, пластиковые контейнеры для мелких находок. Сначала снова сфотографировала бюро целиком. Потом — предполагаемый шов, заднюю стенку, нижнюю декоративную планку.

Она не хотела просто поддеть дерево стамеской и посмотреть, что выйдет.

Старая вещь имела право на осторожность.

Вера просветила щель фонариком, постучала по разным участкам, измерила толщину стенки тонким щупом. Затем присела на табурет и несколько минут просто смотрела.

Вставка была сделана аккуратно. Не так, как обычно делают, когда прячут деньги или документы наспех. Древесину подобрали близкую по тону, края загнали глубоко под декоративную планку, а поверх нанесли лак с пылью, будто старались, чтобы переделка выглядела старше.

Но ошиблись в одном.

Мастер, который устанавливал фальшивое дно, использовал синтетический клей. Он не стал хрупким, как старый животный, а остался чуть эластичным. Вера увидела это по тонкой прозрачной полосе в щели.

Так не работали в конце девятнадцатого века.

И даже в середине двадцатого уже старались не работать, если делали хорошую реставрацию.

— Девяностые, — сказала она. — Плюс-минус несколько лет.

— Вы разговариваете с ним?

Вера вздрогнула.

В дверях стоял Саша Крылов с двумя бумажными стаканчиками.

— Я стучал, — сказал он. — Честно.

— Значит, я была занята.

— Это я вижу. Чай принёс. Таисия Марковна сказала: «Передай Вере, что она, скорее всего, опять забыла завтрак».

Вера взяла стаканчик.

— Спасибо.

— Я не обижусь, если вы скажете, что я мешаю.

— Не мешаешь. Только ничего не трогай.

Саша шагнул ближе и тут же убрал руки за спину.

— Я не маленький.

— Хорошо. Ничего не трогай, потому что ты взрослый и разумный человек.

Он кивнул с серьёзным видом.

— Что тут?

Вера показала на шов.

Саша наклонился, прищурился.

— Это не родное дерево.

— Почему решил?

— Волокна идут не туда. Вот. На старой части вдоль, а здесь... как будто кусок повернули.

Вера посмотрела внимательнее.

Он был прав.

— Неплохо.

Саша пожал плечами.

— Отец столяр. Я с детства видел, как он ругается на тех, кто доски экономит.

— А сейчас он где?

— В Екатеринбурге. Делает кухни. Говорит, там деньги. — Саша усмехнулся. — Я тоже, наверное, поеду. Когда-нибудь.

Вера ничего не сказала. Вчерашняя уверенность в том, что она приехала сюда ненадолго, вдруг показалась ей не столько разумной, сколько очень знакомой.

Она достала тонкий шпатель.

— Смотри. Сначала не тянем. Сначала проверяем, где держит.

Работа заняла сорок минут.

Вера размягчила старый слой лака вокруг планки, осторожно сняла несколько почти невидимых гвоздиков и поддела край вставки. Дерево сопротивлялось. Не сильно, но упрямо — как будто за двадцать с лишним лет успело привыкнуть к своему месту.

Наконец панель отошла на несколько миллиметров.

Изнутри пахло сухой пылью, металлом и чем-то ещё — едва уловимым, старым, как шкаф, который долго стоял в закрытой комнате.

— Там правда пустота? — прошептал Саша.

— Похоже на то.

— А может, клад?

— Клад — это не профессия, Саша. Это разочарование для людей, которые смотрят слишком много сериалов.

Она подняла панель окончательно.

За ней находилась неглубокая полость. Внутри лежал свёрток, перевязанный выцветшей синей лентой.

Никто не произнёс ни слова.

Вера почувствовала, как по спине прошёл холодок — не страх, скорее мгновенное понимание, что сейчас вещь перестанет быть просто вещью.

Она достала свёрток обеими руками.

Лента распалась почти сразу.

Первой выпала маленькая фотография.

Чёрно-белая, размером с ладонь. На ней стояла девочка лет пятнадцати или шестнадцати — худенькая, в короткой куртке, с тёмными волосами до плеч. Она смотрела не в камеру, а чуть в сторону и щурилась от солнца.

За её спиной виднелась зелёная дверь.

Та самая.

Саша наклонился.

— Это же здесь.

— Да.

На фотографии мастерская выглядела иначе. Над дверью висела дедова табличка. Окно было заклеено полосами бумаги крест-накрест. Возле порога стояла табуретка, которой давно не было в помещении.

Вера перевернула снимок.

На обороте синими чернилами было написано:

«Лиза. 1997».

Под фотографией лежал небольшой латунный ключ.

Он был старым, но не антикварным: простая борода, короткая круглая головка, на которой кто-то нацарапал ножом букву «Б».

Третьим предметом оказался сложенный вчетверо лист.

Вера развернула его медленно.

Бумага была тонкой, пожелтевшей по краям. Чернила расплылись от сырости, но слова можно было прочитать.

Не продавай стол.

В нём не вещь — правда.

Если найдёшь — не верь тем, кто скажет, что Лиза взяла это сама.

Подписи не было.

Внизу стояла дата: **3 сентября 1997 года.**

Саша молчал.

Вера положила записку на чистый лист бумаги и сделала несколько снимков.

— Ты знаешь Лизу? — спросила она.

— Нет. Я тогда вообще не родился. А что она взяла?

— Не знаю.

— А почему фотография вашей мастерской лежала в бюро Шереметевых?

— Не знаю.

Он посмотрел на бюро так, будто оно могло ответить.

— И что теперь?

Вера аккуратно переложила ключ, фотографию и записку в отдельные пакеты.

— Теперь я позвоню Ладе Арсеньевой.

— А ей можно доверять?

Вера подняла глаза.

— Пока у меня нет причин считать иначе.

— Записка говорит не верить кому-то.

— Записка не называет имени.

Саша сжал губы.

— Но вы же понимаете, что они могут...

— Понимаю. Поэтому мы не будем ничего придумывать раньше времени.

Она произнесла это спокойно, почти строго. Не столько для Саши, сколько для себя.

Вера набрала номер Лады.

Та ответила после второго гудка.

— Вера Сергеевна?

— Доброе утро. Я осмотрела бюро.

Пауза была короткой, но заметной.

— Нашли что-то?

— Да. И, думаю, вам лучше приехать в мастерскую. Одна.

— Это связано с тем, о чём я вас просила?

Вера посмотрела на фотографию девочки у зелёной двери.

— Возможно. Но пока я могу сказать только одно: в бюро есть поздний тайник. Он сделан не раньше 1997 года.

На другом конце провода молчали.

Потом Лада тихо сказала:

— Я буду через двадцать минут.

Вера отключилась.

За окном дождь стал сильнее. По стеклу медленно стекали капли, размывая двор, вывеску салона красоты и серую спину старого мусорного контейнера.

Саша поставил стаканчик с остывшим чаем на верстак.

— Вера Сергеевна...

— Что?

— А если это всё правда?

Она посмотрела на бюро.

Оно стояло под лампой тяжёлое, тёмное, с открытой задней стенкой. Теперь его тайник был пуст, и от этого предмет почему-то выглядел не легче, а уязвимее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.